

парфюм, то есть все то, что создает ощущение сопричастности к моделируемому журналом престижному образу жизни.

Особенностью дискурса глянцевого журналов является актуализация гендерной культурно-символической дифференциации, выстраивающейся на акцентировании определенных стереотипов, норм ассоциирования и социальных ролей [1, 95-158], приписываемых обществом женщинам и мужчинам: героиня «глянцевого» журналов выступает против архаичного разделения «мира» на мужчин и женщин, отказываясь от статуса слабого пола.

Исследование особенностей гендерной парадигмы российского медийного дискурса, представленного сегментом «глянцевого» журналов, в которых не просто воспроизводятся те или иные модели «пола» как социокультурного феномена, но формулируются каноны мужественности и женственности, – позволяет получить научное осмысление формируемых и транслируемых в общество знаний и идей, которые находят отражение в практике современной жизни. Таким об-

разом, дискурс «глянцевого» журналов является уникальным когнитивно-коммуникативным феноменом, генерируемым в медийном дискурсе на основе базовых культурных концептов «успех», «обладание» и «гендер».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горошко, Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М.-Харьков, 2003. – 440 с.
2. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Кирилина, А.В. Некоторые итоги гендерных исследований в российской лингвистике / А.В. Кирилина // Гендер: Язык, Культура, Коммуникация. Материалы Третьей Международной конференции, 27–28 ноября 2003. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2003. - С. 12-13
5. Полонский, А.В. Сущность и язык публицистики. – Белгород: Политекра, 2009. – 240 с.
6. Machin, D. Leeuwen, T. van. Global media discourse: a critical introduction / Routledge is an imprint of the Taylor & Francis Group, an informa business. London, New York, 2007. – 188 p.

УДК 81'367

Селеменова О.А.

*Елецкий государственный университет
им. И.А. Бакунина*

**СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ ЯЗЫКА***

Аннотация. В статье рассматриваются структурные схемы простых предложений как элементы синтаксической подсистемы языка, сформировавшиеся в результате классифицирующей деятельности человеческого сознания. По мнению автора, понимая простое предложение как двустороннюю единицу, следует разграничивать структурную схему простого предложения как языковой знак и позиционную схему высказывания как речевой знак.

Ключевые слова: синтаксическая подсистема, язык, речь, структурная схема простого предложения, позиционная схема высказывания.

O. Selemeneva

THE STRUCTURAL SCHEME OF A SIMPLE

SENTENCE AS AN ELEMENT OF THE SYNTACTICAL SUBSYSTEM OF THE LANGUAGE

Abstract. In this article the author examines the structural schemes of simple sentences as elements of the syntactical subsystem of the language, which are formed as a result of classifying activity of human mind. According to the author, understanding simple sentence as a bilateral unit it's necessary to differentiate structural scheme of the simple sentence as a language mark and positional scheme of utterance as a speech mark.

Key words: syntactical subsystem, language, speech, structural scheme of the simple sentence, positional scheme of utterance.

В различных моделях системы языка – уровней (Э. Бенвенист, Г. Глисон, Д. Локвуд, С. Лэмб, И.П. Распопов и др.), полевой (В.Г. Адмо-

* © Селеменова О.А.

ни, А.В. Бондарко, Г.С. Щур и др.), многослойной (Д.Л. Спивак) и др. [10; 12; 14; 16] – под разными названиями вычленяются фонетическая, лексическая, словообразовательная, морфологическая и синтаксическая подсистемы, каждая из которых имеет внутреннюю структуру и элементы. Многочисленность синтаксических объектов (синтаксема, словосочетание, простое предложение, сложное предложение, текст) обусловила многолетний поиск лингвистами той единицы синтаксической подсистемы, которую можно было бы положить в основу исследования. Такой исходной единицей стало простое предложение, образно названное французским лингвистом Л. Теньером «маленькой драмой» [15]. В пользу подобного выбора свидетельствовал тот факт, что простые предложения, в отличие от словосочетания и сложного предложения, наличествуют во всех языках мира.

Трудности определения статуса предложения в синтаксической подсистеме языка связаны с решением вопроса о его принадлежности факту языка или речи. Как двустороннюю единицу – единицу языка и речи одновременно – предложение впервые рассмотрел создатель Пражского кружка функциональной лингвистики В. Матезиус [7, 237]. Работы В. Матезиуса и других чешских лингвистов (П. Адамца, Ф. Данеша, М. Кубика) активизировали исследования в области грамматической природы и структурной организации предложений отечественных учёных (В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, В.А. Белошапковой, Т.В. Булыгиной, Г.А. Золотовой, Т.П. Ломтева, З.Д. Поповой, Н.Ю. Шведовой и др.).

Закрепив за предложением статус единицы языка, лингвисты пришли к мысли о том, что предложение – знак, не создаваемый, а лишь воспроизводимый, используемый в речи. Этот знак был терминологически *структурной схемой простого предложения*, получил «права гражданства» и стал центральным понятием синтаксиса [3, 124].

В русистике выделяется два основных подхода к структурной схеме простого предложения. Один из них связан с именем Н.Ю. Шведовой, продолжившей традиции *формально-грамматического направления* в отечественной лингвистике. Понимая под структурной схемой отвлеченный от лексического наполнения образец, компонентами которого являются главные члены предложения, выражающие предикативность, она впервые выделила 31 «свободную» структурную схему, дифференцировала их на односоставные и двусоставные, а односоставные – на двух- и однокомпонентные, дала описание видоизменений,

или регулярных реализаций, структурных схем в речи [17; 2; 18; 13].

Подобный подход к анализу формальной организации предложения, основанный на понятии структурной схемы, был продуктивен и целесообразно применим не только к классификации предложений русского языка, но и к практике изучения русского языка как иностранного.

Однако тезис о предназначенности предложения быть выразителем определённой мысли, а не только предикативного отношения, привёл научное сообщество к критике учения Н.Ю. Шведовой, список схем которой напоминал «перечисление различных способов морфологического выражения членов предложения» [11, 66] и порождал в сознании лингвистов своеобразную аберрацию, замещение реального объекта – сконструированным объектом, подмену одной знаковой системы – другой [4, 21].

Учитывая антропоцентрический характер языка, связь языка и мышления, функциональную предназначенность предложения отражать модель языкового видения человеком мира, лингвисты предложили положить в основу вычленения структурной схемы изоморфизм структуры мысли и ситуации, а не лексико-морфологический состав членов предложения [6, 318-319]. В выделении структурных схем ведущим стал *субъектно-предикатный подход*, уходящий своими корнями в русскую грамматическую традицию старшего периода, когда на природу предложения смотрели как на словесное выражение суждения (И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев, Н.И. Греч и др.).

Субъектно-предикатный подход к структурным схемам позволил определить данный феномен как языковой знак, означаемым которого выступает предикативность, а означаемым – словоформа со значением субъекта – носителя предикативного признака – и словоформа со значением предиката – репрезентанта предикативного признака субъекта, терминируемые соответственно субъективом и предикативом. Подобный подход к структурной схеме также был вполне оправдан доказанной невозможностью существования предикатов с нулевой валентностью, поскольку это противоречит самому понятию предиката – признака, приписываемого предмету речи в модально-временном плане. Таким образом, в соответствии с субъектно-предикатным подходом все выделяемые структурные схемы простых предложений квалифицируются как минимально двухкомпонентные. Например, в соответствии с формальным подходом Н.Ю.

Шведовой, предложение *Смерклошь* (Шолохов М.) построено по однокомпонентной структурной схеме – *Vf*; а согласно субъектно-предикатному – по двухкомпонентной *Adv* (или *N6*) – *Vf*, где *Adv* (или *N6*) – локативный субъектив – носитель состояния природы – материально не выражен (ср.: ‘вокруг, в лесу, смерклошь’).

Субъектно-предикатным подходом к структурным схемам отмечены работы В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, Г.А. Волохиной, Г.А. Золотовой, В.И. Казариной, Т.П. Ломтева, З.Д. Поповой и др.

Являясь знаком предикативации, структурная схема служит и знаком различного типа отношений, устанавливаемых между внеязыковыми сущностями, знаком типовой пропозиции, или синтаксического концепта (З.Д. Попова). Это свидетельствует о том, что двух словоформ (субъектива и предикатива) не всегда бывает достаточно для того, чтобы реализованная структурная схема представила лежащую в основе любого высказывания типовую ситуацию. Например, для объективации пропозиции «создание объекта в результате физического труда» требуется три языковых знака: знак субъекта (производителя действия), знак действия и знак создаваемого объекта: *Мы смастерили два лука...* (Гайдар А.) (*N1 – Vf – N4*).

Наряду с двухкомпонентными и трёхкомпонентными структурными схемами, выделяют небольшое число четырёхкомпонентных схем, существование которых обуславливается наличием в русском языке глаголов, «предопределяющих своей семантикой не менее двух актантов, без упоминания которых смысл предиката не будет раскрыт» [9, 258]. Например: «*Меня всё дразнил «Перпетуя Измегуевна»...* (Куприн А.) (структурная схема *N1 – Vf – N4 – N5*; субъектив эллиптирован, но может быть восстановлен из контекста: *Он (некто) меня всё дразнил «Перпетуя Измегуевна»*).

Так, следуя логике представителей Воронежской теоретико-лингвистической школы (З.Д. Поповой, Г.А. Волохиной, И.А. Стернина, М.М. Булыниной и др.), можно определить структурную схему как языковой знак, означаемым которого выступает типовая пропозиция (или синтаксический концепт), а означаемым являются субъектив и предикатив со своими синтаксическими местами [1, 8].

От структурной схемы простого предложения как языкового знака следует отграничить позиционную схему конкретного высказывания как

речевой знак. Позиционная схема, представляя пропозицию высказывания, не всегда совпадает со структурной схемой. Она, наряду с компонентами структурной схемы, включает в свой состав словоформы, репрезентирующие дополнительные смыслы: ‘*время*’, ‘*цель*’, ‘*условие*’, ‘*причина*’, ‘*место*’ и т.д. Данные словоформы, именуемые в вербоцентрической теории французского языковеда Л. Теньера «сирконстантами», а в русистике – «детерминантами» (Н.Ю. Шведова), входят в позиционную структуру высказывания «через контаминацию данной структурной схемы с другой структурной схемой, главные члены которой остаются невыраженными» [8, 73]; они носят характер параллельного, побочного сообщения и включаются в высказывание для его конкретизации, актуализируют содержание высказывания, расширяют возможности обстоятельственной характеристики типовой пропозиции дополнительными смыслами. Например: – *Никогда меня никто не называл Лимой...* (Куприн А.) (структурная схема *N1 – Vf – N2 – N5*; типовая пропозиция: ‘*субъект*’ – ‘*процесс имянаращения*’ – ‘*именуемый объект*’ – ‘*присвоенное имя*’; позиционная схема: *никогда – никто – меня – не называл – Лимой*; пропозиция высказывания: ‘*время*’ – ‘*субъект*’ – ‘*процесс имянаращения*’ – ‘*именуемый объект*’ – ‘*присвоенное имя*’).

Позиционная схема, включающая компоненты с вторичной связью, номинирует, таким образом, сложную пропозицию: основную, элементарную, представленную структурной схемой простого предложения, и свёрнутую, маркируемую детерминирующей словоформой [5, 28]. Например: *В шесть часов пришёл почтальон* (Куприн А.). – Ср.: *Когда наступило шесть часов, пришёл почтальон*.

Подводя итог, отмечаем, что структурная схема простого предложения, сформировавшаяся исторически в результате классифицирующей деятельности сознания человеческого общества, представляет опору конструкции простого предложения. Означаемым структурной схемы выступает типовая пропозиция, представленная совокупностью смыслов, имплицитного или эксплицитного характера, – маркёров участников внеязыковой ситуации. В речевом акте структурная схема, распространяясь и развёртываясь, формирует позиционную схему. Если структурная схема – это языковой знак, то позиционная – речевой, её означаемое – пропозиция высказывания, представленная смыслами, соотносимыми с участниками конкретной внеязыковой

ситуации, маркируемой структурной схемой, и возможными знаками ситуаций, сопутствующих основной ситуации высказывания. Означаемое структурной схемы – денотативно, означаемое позиционной схемы – референтно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 196 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1970. – 765 с.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 350 с.
4. Золотова Г.А. К вопросу об объекте синтаксических исследований // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1979. – Т. 38. – №1. – С. 13–23.
5. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании): Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – 225 с.
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная грамматика и лингвистическая интерпретация категории субъекта и предиката // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1979. – №4. – С. 318–322.
7. Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967. – С. 226–239.
8. Попова З.Д. Может ли обойтись синтаксис без учения о членах предложения // Вопросы языкознания. – 1984. – №5. – С. 69–75.
9. Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. – М.: Наука, 1996. – С. 255–276.
10. Попова З.Д. Модели системы языка в русском языкознании конца XX века // Вестник ВГУ. – Серия 1. Гуманитарные науки. 2/1999. – С. 171–181.
11. Распопов И.П. Что же такое структурная схема предложения? (По поводу ст. С.И. Кокориной «О реализации структурной схемы предложения») // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 65–70.
12. Распопов И.П. Система языка и её уровни // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж. – 1976. – С. 134–153.
13. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
14. Спивак Д.Л. Язык в условиях изменённого состояния сознания // Вопросы языкознания. – 1983. – №5. – С. 43–49.
15. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
16. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Под ред. А.В. Бондарко и др. – Л.: Наука, 1987. – 350 с.
17. Шведова Н.Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 67–80.
18. Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // Вопросы языкознания. – 1973. – №4. – С. 25–36.

УДК 316,75:81

Хроменков П.Н.
 Московский государственный
 областной университет

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
 АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ КОНФЛИКТОВ***

Аннотация. Конфликты являются предметом исследования многих наук. Рассматривая различные классификации и типологии конфликта в психологии и лингвистике, автор предлагает рассматривать конфликт в микро-, макро- и мегасоциуме как естественной среде его зарождения, развития и разрешения. Изучение вербальной характеристики конфликта в единстве его проявлений в каждом страте повышает полноту исследования.

Ключевые слова: конфликт, лингвистический, психолингвистический, психологический, вербальный, типология конфликта, невербальный, микро-, макро- и мегасоциум.

P. Khromenkov
 LINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC
 CHARACTERISTICS OF THE CONFLICT CLASSIFICATION

Abstract. Conflicts are the research subject for many sciences. Taking into account diverse classifications and typology author suggests studying conflict in the micro-, macro- and megastratum as a natural medium for its initiation, developing and resolution. The study of the conflict's verbal characteristics in each stratum manifestations will increase the research confidence.

Key words: Conflict, linguistic, psycholinguistic, psychological, verbal, conflict typology, nonverbal, micro-, macro- and megastratum.

* © Хроменков П.Н.